

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

МАТЕРИАЛЫ К IV МЕЖДУНАРОДНОМУ СЪЕЗДУ
СЛАВИСТОВ*

В о п р о с № 22. К каким периодам относятся факты разделения славян на основные ветви?

При ответе на этот вопрос надо исходить в одинаковой степени из данных как языкознания, так и истории, поскольку ни один из этих разделов науки, взятый обособленно, не дает достаточного материала для разрешения вопроса. За последние двадцать лет лингвистические исследования распада языкового праславянского единства выявили достаточно много фактов, которые позволяют уточнить процессы расслоения праславянского языка на диалекты. Эти процессы, как и все подобные им изменения в группировке диалектов, были следствием разнообразных передвижений и миграций, которые укрепляли или ослабляли первоначальные связи между различными группами славянского населения, что в конце концов привело к распаду старой праславянской общности и к возникновению на территории, заселенной славянами, известных в истории и существующих в настоящее время трех групп славянских языков и народов: западной, восточной и южной¹. Исторические данные, касающиеся общественно-политических основ этих процессов, слишком незначительны, так что в основном мы вынуждены довольствоваться лингвистическим рассмотрением направления и протекания этих процессов.

На основании всего сказанного о формировании и составных частях праславянского этнически-языкового единства, а также о различных перегруппировках этих составных частей напрашивается вывод, что с са-

* «Вопросы языкознания» продолжают публикацию отдельных ответов на вопросы, поставленные перед участниками предстоящего IV Международного съезда славистов.

В этом номере мы помещаем ответы Т. Лера-Силавицкого и Э. Дикенмана на вопрос № 22 «К каким периодам относятся факты разделения славян на основные ветви?», в которых продолжается рассмотрение проблем, связанных со славянской прародиной, и ответ А. В. Пешенко на вопрос № 3 «Какова специфика литературного двуязычия в истории славянских народов?», в котором отражен ряд новых проблем, требующих своего разрешения.

Ответ Т. Лера-Силавицкого печатается в переводе Л. Е. Бокаревой, а ответ Э. Дикенмана — в переводе В. Н. Григорьева.

¹ Вопрос о диалектных различиях праславянского языка рассмотрен мною в нескольких работах. См.: «O dialektach prasłowiańskich» («Sborník prací I. Sjezdu slovanských filologů v Praze, 1929», sv. II, Praha, 1932); «Początki Słowian», Kraków, 1946 («Biblioteka Studium Słowiańskiego uniwersytetu Jagiellońskiego», Seria B, № 1—4); «Przegląd i charakterystyka języków słowiańskich» (совместно с В. Курашкевичем и Ф. Славским; Warszawa, 1954). Ср. также рассмотрение этого вопроса при помощи метода математической статистики в статье: J. C z e k a n o w s k i e g o («Sborník prací I. Sjezdu slovanských filologů v Praze, 1929», sv. II).

В последнее время вопрос о фонологической дифференциации праславянских диалектов разрабатывал А. Фурдаль, диссертация которого будет печататься в изданиях Польской Акад. наук.

мого начала в пределах этого единства должны были существовать какие-то, часто, вверняка, непостоянные диалектные различия. Однако мы не располагаем данными о диалектных различиях в языке древнейшей фазы развития праславянского. Все же с достаточным основанием мы можем предполагать, что наиболее глубокая и древняя граница между праславянскими диалектами проходила примерно вдоль правого берега верхнего и среднего Буга, так как на этой линии соприкасались две в какой-то степени генетически различные части праславянского единства: западная, развившаяся на этнической основе лужицкой культуры, и восточная, выросшая в результате лужицкого наслоения на субстрат, связанный с трипольской и другими культурами юго-восточной Европы. Вначале очень отчетливая и только со временем уменьшившаяся разница между культурами двух областей праславянского, видимо, соответствовала этническому различию между ними и должна была находить отражение в языковых различиях, представляющих собой, вероятно, наиболее древнее и существенное деление праславянского языка на диалекты. Мы не располагаем, однако, какими-либо конкретными данными, способными показать, на чем основывалось это разделение в языковом отношении.

Первые диалектные различия праславянского языка, которые удалось обнаружить, связаны с группой явлений, объединенных под названием II палатализации заднеязычных согласных в праславянском языке. Здесь речь идет о различной на западе и востоке праславянской территории передаче сочетаний *kv-*, *gv-* в положении перед вторичными гласными переднего ряда *e* и *i* дифтонгического происхождения: эти сочетания в данной позиции в соответствии с общим процессом II палатализации перешли в *cv-* и *zv-* лишь в говорах востока праславянской территории (из которых произошли восточные и южные славянские языки), а в западно-праславянских говорах (из которых позднее возникли западные славянские языки) эти сочетания сохранились без изменения. Кроме того, различна передача возникшего в результате II палатализации \acute{s} ($\leq \acute{x} + \acute{e}_2, i_2$): \acute{s} — в западно-праславянских говорах и \acute{s} — в восточно-праславянских говорах.

Обе эти черты, делящие праславянскую территорию на две части, западную и восточную, — в соответствии с предполагаемым древнейшим разделением — не могут быть старше палатализации заднеязычных согласных, действие которой на основании определенных данных можно датировать периодом времени между II—III вв. н. э.¹, не могут относиться непосредственно к предполагаемому наиболее древнему диалектному разделению, но могут свидетельствовать о том, что разделение это имело очень продолжительный характер, в пользу чего говорит расположение диалектных изоглосс последующих нескольких веков.

Вскоре после этого система диалектных отношений в праславянстве подверглась далеко идущим изменениям, выражением чего было появление языковых различий, свойственных диалектам, которые стали затем основой для возникновения южнославянских языков, в противоположность диалектам, из которых возникли западнославянские и восточнославянские языки. (Например, сочетания типа *ort-*, *olt-* у южных славян во всех случаях развиваются в *rat-*, *lat-*, в то время как у западных и у восточных славян в *rat-*, *lat-* перешли сочетания *ort-*, *olt-* только под так называемой акутовой интонацией, а те же сочетания под циркумфлексной интонацией сохранили первоначальное *-o-*: *rot-*, *lot-*. Параллельно по-разному происходит объединение окончаний род. падежа ед. числа существительных с основой на *-ja* и окончаний им.-вин. падежа мн. числа существительных

¹ Cp. T. Lehr-Splawinski, Próba datowania tzw. II palatalizacji spółgłosek tylnojęzykowych w języku prasłowiańskim, «Studia z filologii polskiej i słowiańskiej», 1, Warszawa, 1955, стр. 375—383.

с основой на *-ja* и *-jo*: в южных говорах существительные получают окончание *-ǝ*, а в западных и восточных говорах — окончание *ǝ̇*. Все это свидетельствует о новом разделении праславянских наречий на южное и северное, из которых северное наречие охватило старое западное и часть восточного, а в состав южного вошла только часть старого восточного наречия.

Период отделения южной части невозможно определить хронологически на основании только языкового материала: несомненно, ее отделение было результатом ослабления языковых связей между двумя группами племен, издавна входивших в состав восточно-праславянского диалекта, в результате того, что эти группы были разделены цепью Карпатских гор и к тому же одна из них начала постепенное продвижение на юг через так называемую Венгерскую котловину вдоль Тиссы и среднего Дуная. Археологические и древнейшие топонимические следы такого передвижения появляются на данной территории в течение III—IV в. н. э. Следовательно, именно к этому периоду должна относиться вторая стадия диалектной дифференциации праславянского единства, существовавшая недолго. Примерно в тот же период началось постепенное распадение западно-праславянской диалектной группы: часть входящих в ее состав племен, предки чехов и словаков, начала продвигаться в юго-западном и западном направлении, переступая пределы западных Карпат и Судет, утрачивая в какой-то степени языковой контакт с остальными западно-праславянскими племенами и усиливая свои связи с южными племенами.

Отражением этих процессов явилась передача сочетаний типа *tort*, *tolt*, *tert*, *telt*, которые в говорах предков чехов и словаков изменились, как и в речи южных славян, в *trat*, *ilat*, *trèt*, *tlèt*, в то время как в речи остальных западнославянских племен, так же как и у восточных славян, в этих группах сохранились гласные *-o-* и *-e-*, хотя их развитие не было совершенно одинаковым во всех этих севернославянских наречиях. В говорах предков лехитских и лужицких племен произошла обыкновенная перестановка плавных согласных и гласных *-o-*, *-e-* (*trot*, *tlot*, *tret*, *tlet*), а в говорах восточных славян эти сочетания изменились в так называемые полногласия (*torot*, *tolot*, *teret*, *tolot*), которые представляли с древнейших времен одну из наиболее характерных восточнославянских диалектных особенностей. Таким образом, три разных результата развития сочетаний типа *tort*, *tolt*, *tert*, *telt* в праславянском языке свидетельствуют о существовании уже в тот период (видимо, в конце IV в. н. э.) разделения языкового единства на три диалектные группы, из которых две оставались на старой территории за северо-восточной цепью Карпат и Судетов, а третья — очень неоднородная — заполняла котловину, окруженную этими горами, и распространялась все дальше в западном и южном направлении, постепенно просачиваясь на территорию современной южной Германии и все сильнее проникая на Балканский полуостров.

Однако и этот раздел славянского мира пока еще не соответствовал в полной мере более позднему, существующему до сегодняшнего дня делению, так как впоследствии чешские и словацкие племена сближались с южными славянами в большей степени, чем с оставшимися на северных отрогах Карпат и Судет. В таком состоянии эти племена тоже находились недолго: ему положило конец, видимо, нашествие кочевого племени аваров, которые вторглись в пределы Венгерской котловины на рубеже V—VI вв. н. э. и образовали там в VI в. мощное государство, распространяющее свою власть на многочисленные славянские племена от западных берегов Черного моря до подножья Альп и южных склонов Карпат. Это должно было значительно ослабить общественно-экономические и языковые связи между словацко-чешскими и южнославянскими племенами.

К полному разрыву этих связей привело окончательное поселение в IX—X вв. в долине реки Тиссы и среднего Дуная воинственного племени угро-финских мадьяр (славяне называют их венграми), которые создали здесь (на развалинах бывшего Великоморавского государства) сильное и прочное государство. В связи с этим вторжением, видимо, уже между VI—VIII вв., предки чехов и словаков, отрезанные с юга, завязали новые, более прочные контакты со своими северо-восточными славянскими соседями и оказались на пути возвращения в пределы диалектной западнославянской группы. Это нашло свое языковое отражение в образовании ряда новых языковых черт, связывающих их с лужицкими и лехитскими племенами, в первую очередь общего с ними развития звуков, полученных из старых сочетаний *dj, tj, kt'*; в *ž* (\geq чеш.-словацк. *z*) и с. Параллельно с этим те же самые сочетания с небольшими отличиями развились в говорах восточных славян (*ž, č*) и совершенно отлично и противоречиво у южных славян (хорв. *ž, č*; словенск. *č — j, ě*; болг.-макед. *žd, št*).

Из этого можно заключить, что языковой славянский мир распадался в тот период на три диалектные группы, соответствующие по историческому расположению существующим и до сегодняшнего дня трем группам славянских языков: западной, восточной и южной. К тому же не вызывает сомнения, что в ту эпоху — около VI—VII вв. н. э. — эти группы нельзя уже называть праславянскими, так как территориальная экспансия славянских племен охватила настолько широкие пространства, что непосредственная языковая связь, образующая основное условие общности развития, не могла продолжаться между ними. Праславянское языковое единство относилось, следовательно, уже к прошлому.

Т. Лер-Сплавинский (Краков)

Изучение истории народов, соседних с древними славянами, т. е. скифов, сарматов, фракийцев (особенно даков), германцев, балтов, финнов, приводит к выводу о том, что славяне, видимо, довольно долго занимали сравнительно небольшое пространство за Карпатами. Об относительно позднем его расширении свидетельствует также тот факт, что еще в эпоху создания древнейших письменных памятников славянские языки были весьма близки друг другу (ср. хотя бы древнеболгарский и древнерусский). Не случайно и отсутствие более или менее достоверных исторических свидетельств о славянах до VI в. н. э. Несомненно, что расширение занимаемой ими территории находится в тесной связи с так называемым переселением народов, точнее — с многочисленными, охватывающими большое пространство и значительный период времени перемещениями народов. Эти перемещения, начавшиеся еще до н. э., в основной своей массе относятся к III—IV вв. н. э.

Прежде всего следует отметить уход германских племен (готов и др.) с обширной территории между Вислой и Эльбой, а позднее и из соседних более южных областей. Эти постоянные перемещения в южном направлении временно прекращаются после ухода лангобардов с Венгерской низменности в Италию (568 г.). Вследствие сильного запустения указанного пространства для славян возникла возможность относительно быстрого и интенсивного распространения на запад и юго-запад, что и происходит в период с конца IV до VI в. включительно. Расселение по столь обширному пространству приводило к более четкому выявлению первоначальных диалектных особенностей и постепенно — к утрате языкового единства. Этот процесс шел, конечно, очень медленными темпами, поскольку на первых порах контакты оставались еще значительными.

Можно предполагать, что разделение славян на восточных, западных и южных обнаружилось уже в течение V в. Приход южнославянских племен на Балканы вызвал в VII в. установление связей с новым культурным миром — греко-византийским и романским. Кроме того — первоначально в связи с немецкой колонизацией (заселение Австрии вплоть до Словении франками и прежде всего баварцами) и распадом государства аваров — возник широкий барьер, изолирующий западных славян от южных; затем примерно в конце IX в. с появлением венгров он распространяется дальше на восток, а с возникновением молдавско-валашского государства — достигает Черного моря. Ясно, что соприкосновение с более культурными народами, с одной стороны, и отделение от остальных славянских народов — с другой, должно было привести к дальнейшему диалектному членению и, наконец, к образованию южнославянских наречий: болгарского, сербского, кайкавского хорватского и словенского, которые, видимо, уже в VIII в. отличались друг от друга существенными особенностями. На ходе этого процесса дифференциации, очевидно, не могли не сказаться местные специфические условия: у южных славян он наступает раньше, чем у западных и, особенно, восточных славян, у которых только в XI в. обнаруживаются известные диалектные различия, но еще не самостоятельные наречия.

Э. Дикенман (Берн)

В о п р о с № 3: Какова специфика литературного двуязычия в истории славянских народов?

1. Термин «литературное двуязычие» целесообразно заменить термином «языковой дуализм», так как само понятие «литературного применения» какого-либо языка до формирования современных национальных языков требует комментариев.

Литературный язык, в современном понимании этого термина, обладает следующими признаками: 1) он поливалентен, т. е. применим для обслуживания всех сфер национальной жизни; 2) он нормирован (в отношении орфографии и орфоэпии, грамматики и словаря); 3) он общеобязателен для всех членов данного национального коллектива и в связи с этим не допускает диалектных вариантов; 4) он стилистически дифференцирован.

Ни один из употреблявшихся на территории славянских народов письменных языков не обладал, до появления современных национальных языков, всеми указанными признаками. Поэтому предпочитаем говорить о письменных языках в применении к донациональным типам графически запечатленной речи.

2. История славянских народов дает возможность изучения самых разнообразных типов языкового дуализма. В дальнейшем мы коснемся специфики этого явления у западных и восточных славян.

С самого появления славянской письменности славянский мир разделяется на две основные сферы: сферу действия латинского языка и сферу действия языка старославянского. На территории Великоморавского княжества, где еще до прихода солунской миссии успел сложиться древнейший тип славянского культурного языка, применяемого в молитвах, проповедях, исповедях, старославянский язык временно вытесняет латинский, сам при этом подвергаясь влиянию этого древнейшего культурного языка славян. Очень непродолжительное время старославянский является на территории Великоморавского княжества и отчасти в Чехии литургиче-

ским языком. Статья языком администрации ему на территории западных славян не удалось. Он был полностью вытеснен латинским языком. Старославянский язык у западных славян не мог стать тем поливалентным языковым орудием, каким стала латынь у романских и германских народов раннего средневековья и каким она стала у западных славян после вытеснения старославянского языка.

3. Латынь, этот международный язык средневековья, сыграла у западных славян несколько иную роль, чем у соседних германцев. У западных славян почти полностью отсутствуют древнейшие, дописьменные латинские заимствования, столь характерные для лексики немецкого языка (типа *Tisch, Fenster, Dach, Pferd*). Единичные слова этого типа (чешск. *víno*, словацк. *tehla* «кирпич») общей картины не меняют. Основной пласт древнейших латинских заимствований попадает в западославянские языки в результате христианизации (типа чешск. *mše, birmovati*), причем в большинстве случаев через баварский языковой «фильтр».

4. О языковом дуализме у чехов приходится говорить начиная с XIV в., когда, наряду с латинской литературой, появляется богатая средневековая литература на чешском языке. В этот период латынь на территории западных славян перестает быть поливалентным языком, обслуживающим в с е области общественной жизни. В этот же период и вырабатывается чешская графика, значительная часть отвлеченной (т. е. нарочито книжной) лексики, вырабатываются некоторые синтаксические модели. До эпохи национального возрождения чешско-латинский языковой дуализм остается в силе.

5. Вопросы языкового дуализма на территории восточных славян необыкновенно сложны. С появлением письменности здесь возникают три типа письменных языков: старославянский (во многом близкий восточнославянскому, но в своей основе южнославянский), с одной стороны, и два типа письменного языка на восточнославянской основе — с другой: деловой (юридический) и фольклорно-художественный. Каждый из этих письменных языков функционально связан с определенной сферой общественной жизни, каждый из них обладает специфическими чертами в области фонетики, грамматики и лексики. Ни один из этих языков не совпадает с бытовым разговорным языком по той простой причине, что средневековью чужды литературные жанры, включающие бытовую тематику. Необходимо подчеркнуть, что все эти три языка и м е ю т с в о ю п с т о р и ю. Они развиваются самостоятельно (от языка «Русской Правды» к языку современного уголовного кодекса ведет прямая линия), но, разумеется, не в полном отрыве друг от друга. Именно взаимоотношения этих трех языков в каждую конкретную эпоху развития восточнославянской, а позже русской, украинской и белорусской письменности, расширение или сужение сферы употребления каждого из них в разные эпохи и представляют тот круг вопросов, решение которых позволит установить общие закономерности литературного и языкового развития национальной культуры у восточных славян. Говорить об «истории русского литературного языка» (в единственном числе и начиная с XI века) нам кажется пока преждевременным, тем более, что многие ученые (например, Р. И. Аванесов) сомневаются в том, является ли литературный язык вообще субъектом развития.

6. Формирование современных национальных языков у таких славянских народов, как чешский или словацкий, лужицко-сербский и словенский, отчасти также хорватский, теснейшим образом связано с славяно-немецким двуязычием культурной верхушки этих народов в период национального возрождения. Национальные языки указанного типа возникли в результате «будительской» работы молодой национальной буржуа-

зии. Весь пафос языковой политики эпохи национального возрождения определяется народностью (и в значении национальной самобытности, и в значении ориентации на «простой народ») возрождаемого и создаваемого литературного языка, утверждением его способности конкурировать с немецким, устранением нежелательных германизмов (типа *fragle//Fräulein*, *frajtr//Gefreiter*) и созданием нового культурного слоя лексики. Новая лексика создается, естественно, по образцу или, по крайней мере, по подсказке соответствующих немецких слов, но все же влияние немецкого языка нельзя сводить к механическому калькированию немецких выражений. Дело в том, что чешский язык в ряде случаев весьма своеобразно решает вопросы пополнения словаря: немецкие словосложения (типа *Bahnhof*, *Vordergrund*) заменяются в чешском языке аффиксальными образованиями (типа *nádraží*, *popředí*). Таким образом, в этих неологизмах сохраняется лишь часть (обычно первая) «внутренней формы» соответствующих немецких словосложений. Значительное влияние на современный чешский язык было оказано немецкой бытовой и публицистической фразеологией, ср. *nemohu si pomoci//lich kann mir nicht helfen*; *trefiti hrěbik na hlavicku//den Nagel auf den Kopf treffen*. В силу почти поголовного билингвизма чешской интеллигенции, немецкий язык продолжал влиять на чешскую лексику и фразеологию до самого последнего времени. Даже понятия, попадающие к чехам из советского быта, иногда именуется словами, образованными не по русскому, а по немецкому образцу, ср. *заочное обучение* — *Fernstudium* — *dálkové studium*.

7. Современный русский литературный язык формируется на протяжении XVIII века. Оставим сейчас в стороне вопросы стилистического и терминологического использования славянизмов в современном русском литературном языке. Старославянские («церковнославянские») элементы являются, конечно, результатом продолжительного языкового дуализма. Специфическим признаком современного русского литературного языка является, однако, не только наличие «диспаратных», т. е. семантически соотнесенных, но формально разнозвучных пар типа: *живот* — *брюшной*, *рот* — *устный*, *склонение* — *деклинационный*, *говор* — *диалектный* и т. п. Такие «диспаратные» пары типичны для французского языка (ср. *la mer* — *maritime*, *la mère* — *maternel*, *la semaine* — *heldomadaire*).

Спецификой современного русского литературного языка (по сравнению с другими славянскими литературными языками, в том числе и польским) является обилие так называемых галлицизмов. Наличие этих галлицизмов объясняется широко распространенным русско-французским билингвизмом тех слоев русского общества, в которых вырабатывался литературный язык нового типа. Вспомним, что Татьяна Ларина свое письмо Онегину вынуждена была писать по-французски, ибо она «почтовой прозой» не владела. Французские слова-цитаты совершенно естественно внедряются в языковой обиход образованных русских. Формируется своеобразный разговорный язык образованных людей, и этот язык начинает применяться в письме, но пока что лишь в жанрах, не предназначенных к печати. Образцами такого непринужденного русского языка являются, например, записки Н. Б. Долгорукой, записки майора М. В. Данилова, переписка Фонвизина, автобиография А. Т. Болотова и многое другое. Величайшей заслугой Пушкина явились смелость и такт, с которыми он ввел этот непринужденный бытовой язык образованных людей в художественно-литературный обиход. Этот бытовой язык образованных русских был близок народному языку, но он был отшлифован, стилистически многогранен и включал большое количество французских слов-цитат, словарных, фразеологических и синтаксических галлицизмов. Отсутствие необходимости отстаивать никем не оспариваемую националь-

ную самобытность, отсутствие национально оборонительного пафоса, столь характерного для эпохи возрождения других славянских народов, и предредило ту терпимость к иностранным (особенно французским и немецким) словам, которая столь характерна для русского литературного языка. Только так и могло случиться, что исконно русское слово *похлебка* могло быть вытеснено на периферию литературного языка французским словом *суп*, что русский язык утратил славянское наименование «фруктов» и т. п. Галлицизмы в русском языке не ограничиваются заимствованиями XVIII и XIX веков, словами, вроде *театр, кулисы, суфлёр, авансцена, ложа* и т. п. Русский литературный язык надолго открыл двери широкому потоку галлицизмов. Такие слова и выражения, как *бюро, депо, кадры, экран, физкультура (culture physique), научный багаж (bagage scientifique)* и многие другие, появились в русском языке сравнительно недавно. Галлицизмами по своему образованию являются чрезвычайно продуктивные многочисленные генитивные наименования типа *генерал армии, театр юного зрителя, карета скорой помощи, парк культуры и отдыха*, совершенно чуждые таким языкам, как чешский или словацкий. Галлицизмами являются и такие словосложения, как *вагон-ресторан (wagon-restaurant)*, также не свойственные чешскому или словацкому языкам. Сюда же следует отнести выражения и обороты типа *просьба вернуть книгу (prière de rendre le livre)*. Французский язык имел серьезное влияние и на русский синтаксис, ср. *русский и французский языки (les langues russe et française)*, употребление инфинитива после союзов *чтобы, прежде чем, вместо того чтобы (pour écrire, avant d'écrire, au lieu d'écrire)*. К французским образцам восходят вторичные предлоги типа *в силу чего-л. (à force de qch), ввиду чего-л. (en vue de qch)*, союз *раз* в условном значении (франц. *une fois*) и многое другое.

Именно наличие французских слов и оборотов, но в первую очередь наличие французских моделей деноминации, и отличает современный русский литературный язык от родственных славянских языков. Таким образом, многочисленные особенности русского языка объясняются наличием продолжительного русско-французского языкового дуализма.

А. В. Исаченко (Оломоуц)